

Мо Сяобай позвал несколько раз, но никто не ответил. Он просунул голову в дверной проем и изо всех сил заглянул внутрь: Неужели старшего брата нет? Почему он его игнорирует?

Он нахмурился и, прильнув к окну, спросил Мо Чэня: Братик, где старший? Куда он ушел?

Мо Чэнь бросил на него быстрый взгляд: Тебе-то какое дело? — после чего закатил глаза и добавил таинственным шепотом: — Слушай, я слышал, что одна девчонка из четвертого сектора без ума от нашего старшего. Кто знает, может, он сейчас с ней?

Мо Сяобай вытаращил глаза и на мгновение замолчал. Мо Чэнь, заметив, что тот впервые не стал отпускать шуточки, обрадовался: Судя по его реакции, может, у старшего и правда что-то намечается!

Стоило Мо Чэню так подумать, как он услышал, что Мо Сяобай с нескрываемым возбуждением начал выпытывать: Правда? Старший к ней равнодушен? Кто она? Братик, это та самая Сяохуэй?

Сердце Мо Чэня ушло в пятки, он был готов дать себе пощечину. Вид Мо Сяобая, жаждущего сплетен, — это же еще один нож в спину старшему! Не стоило его провоцировать, знал же, чем обернется, идиот!

Мо Чэнь проклинал себя за длинный язык и буркнул: Заходи давай, скоро обход!

Он только успел развернуться, как из коридора донесся игривый, вкрадчивый голос: Мо Сяобай! Ты где пропадал посреди ночи?

Мо Сяобай вздрогнул, пулей влетел в комнату, захлопнул окно и прыгнул в кровать, накрывшись с головой — скорость его движений могла бы позавидовать ракета. Увы, преследовательница была не менее быстрой: едва он успел притвориться спящим, как дверь распахнулась.

Вошла Е Вэй в камуфляжной форме. Ее каштановые волнистые волосы были собраны в высокую прическу, а на лице играла насмешливая улыбка. Не теряя времени, она властным жестом сорвала одеяло с Мо Сяобая.

Мо Чэнь притаился в изголовье своей кровати, предвкушая шоу, а Мо Яо по-прежнему лежал вытянувшись, не шевелясь.

Мо Сяобай сел, обхватив себя руками, и принял вид оскорбленной невинности: Мама, ты чего? Посреди ночи врывается и сдергиваешь одеяло! Если папочка узнает, тебе не поздоровится!

Е Вэй приподняла бровь: Мо Сяобай, где ты шляется посреди ночи?

Мо Сяобай потер глаза и посмотрел на нее с невинным видом: Мамочка, о чем ты? Я все это время спал. Только начал засыпать, а ты меня напугала!

Е Вэй окинула его оценивающим взглядом сверху вниз и игриво коснулась его щеки: Тц-тц, лазал через окно, щеки покраснелись, губы припухли, исчез неизвестно куда и только что вернулся, даже одежду сменить не успел! Ну, выкладывай, где гулял?

Мо Сяобай мысленно выругался: ну и чутье у его мамочки, как она так быстро догадалась? Он сложил руки на груди, нервно хихикнул и замямлил: Мамочка, ну что ты такое говоришь, где я мог гулять? Я это... ходил искать старшего!

Е Вэй взглянула на верхнюю койку и насмешливо спросила: Старший еще не вернулся?

Да, — Мо Сяобай энергично закивал, стараясь выглядеть как можно увереннее. — Мамочка, старший ушел гулять! Сейчас он с той девчонкой из четвертого сектора!

О? — Е Вэй улыбнулась с явным подвохом. — Значит, ты ходил его искать?

М-м, — Мо Сяобай увидел, что мамочка вдруг расплылась в улыбке, и по его телу пробежали мурашки. Когда она не улыбалась — это еще полбеды, но если она улыбалась, жди беды. С самого детства он усвоил этот урок: это была улыбка лисы, увидевшей добычу!

Так и вышло: Е Вэй наклонилась и ухватила его за ухо: Мо Сяобай! Ты врешь все искуснее!

Мо Сяобай взвыл от боли и принялся молить о пощаде. Мо Яо, лежавший на верхней полке, больше не мог оставаться в стороне, поднялся и спрыгнул вниз.

Мо Сяобай остолбенел: Старший, ты... ты же был не в комнате?

Мо Яо секунд десять пристально смотрел на его губы, прежде чем повернуться к Е Вэй и медленно произнести: Вторая тетя, Сяобай действительно ходил искать меня.

Е Вэй вздохнула и отпустила ухо Мо Сяобая: Ладно, раз вернулся, значит, все в порядке. Отдыхайте.

Мо Сяобай возмутился: Мамочка, ты предвзята! Я вернулся посреди ночи — ты мне ухо крутишь, а старшему — ничего! Я точно не твой родной сын!

Е Вэй бросила на него презрительный взгляд: Мо Еянь, тебя все зовут Сяобай, так ты и правда стал идиотом? У меня со зрением все в порядке! Еще раз такое повторится — пойдешь спать на плац!

Мо Сяобай притих. Е Вэй посмотрела на Мо Яо: тот выглядел ужасно, все еще был в дневной тренировочной форме и, привалившись к окну, казался таким одиноким и подавленным. Она невольно вздохнула: если бы Ши И увидела сына в таком состоянии, сердце бы у нее разрывалось.

Е Вэй подошла и похлопала его по плечу: Старший, ложись спать пораньше.

Мо Яо кивнул и проводил Е Вэй до двери.

В комнате воцарилась темнота. Трое лежали, погруженные в свои мысли. Вскоре Мо Сяобай не выдержал, поднялся и, свесившись с изголовья кровати Мо Яо, начал пристально разглядывать его.

Тихое дыхание доносилось до ушей Мо Яо, и этот едва уловимый ветерок заставлял его сердце сжиматься от боли.

Бог свидетель, сейчас он меньше всего хотел слышать дыхание Мо Сяобая и видеть его слегка покрасневшие губы.

Он отвернулся и отодвинулся подальше к краю кровати.

Мо Сяобай заметил, что старший не только не отвечает, но еще и избегает его, и немного разозлился: старший всегда носил его на руках, как самое дорогое сокровище, почему же сегодня он не хочет с ним разговаривать? Когда он звал его из окна, старший не ответил, и он решил, что того и правда нет на месте!

Мо Сяобай надул губы и обиженно уставился на затылок Мо Яо, словно пытаясь прожечь в нем дыру. Не дождавшись реакции, он о чем-то задумался, и вдруг уголки его губ поползли вверх. Он достал из кармана какой-то предмет и ткнул им в кончик носа Мо Яо.

Мо Яо, раздраженный этим тычком, развернулся: Ты почему не спишь? Что ты там делаешь?

Мо Сяобай победно улыбнулся: Старший, я принес тебе два пончика!

Мо Яо нахмурился: Где взял?

Мо Сяобай сунул пончики ему в руки: Старший, просто съешь, они очень вкусные! Гарантирую, попробуешь — захочешь еще! Я хотел дать один братику, но раз уж он меня обманул, оба твои!

Мо Чэнь, услышав это, тоже приподнялся: Я не буду! Не хочу, чтобы у меня губы опухли!

Не дам! — Мо Сяобай дернул за край одеяла Мо Яо и посмотрел на него блестящими глазами: — Старший, открой скорее, попробуй! Я специально для тебя принес!

Мо Чэнь, подперев голову рукой, спросил: Мо Сяобай, вторая тетя сказала, что у тебя губы опухли — это ты от пончиков?

Мо Сяобай прикрыл рот рукой, скрывая смущение, и пробормотал сквозь пальцы: Нет! Как от пончиков могут губы опухнуть!

О? А от чего же? Кто тебе их дал? Не тот ли человек, из-за которого у тебя губы опухли? — с иронией спросил Мо Чэнь.

Мо Сяобай несколько раз потер губы и упрямо заявил: Ничего у меня не опухло! У мамочки просто зрение плохое, она ошиблась!

Мо Чэнь прыснул со смеху: Ну ты даешь, Мо Сяобай! Мастерство врать в глаза у тебя растет с каждым днем!

Мо Яо нахмурился, холодно взглянул на Мо Сяобая и сунул пончики ему обратно в руки: Не буду.

Почему, старший?! Я столько сил потратил, чтобы их достать!

Мо Яо отвернулся, не желая продолжать разговор. Мо Сяобай подобрался ближе, почти забравшись на кровать Мо Яо, и настойчиво зашептал ему на ухо: Старший, почему ты не ешь? Не слушай братика, от них губы точно не опухнут!

Мо Яо рявкнул: Сказал — не буду! Проваливай спать!

Мо Сяобай с ненавистью уставился ему в спину, сжимая кулаки так, что чуть не раздавил пончики. Видя, что старший по-прежнему его игнорирует, он сердито фыркнул и спрыгнул на свою кровать.

Он ворочался, но сон не шел. Он никак не мог понять, чем прогневал старшего. Тот всегда его баловал, почему же теперь так холоден?

Внезапно его прикрытые глаза распахнулись, и он уставился в потолок: неужели... старшему он стал в тягость?

Сердце охватил ужас. С самого детства, когда сестра обижала его, мамочка пинала, а братик вечно разыгрывал, стоило ему позвать старшего — и никто больше не смел его тронуть.

Но если старший больше не будет о нем заботиться...

Лицо Мо Сяобая исказилось от боли. Одной мысли о том, что старший может его не любить, было достаточно, чтобы сердце сжалось от невыносимой тоски. Он натянул одеяло на голову и свернулся в клубок.

Мо Яо, лежавший на верхней полке, услышал возню внизу, тяжело вздохнул и, достав из кармана булочку, бросил ее вниз.

Что-то ударило его по голове?

Спрятавшись под одеялом, он протянул руку и нащупал что-то мягкое и теплое. Затащив находку внутрь, он увидел булочку.

Еще хранящую тепло его тела?

Мо Сяобай улыбнулся, выглянул из-под одеяла на верхнюю койку и с аппетитом вгрызся в булочку.

На душе стало светло. Разве мог старший его бросить? Даже если бы мамочка от него отказалась, старший никогда бы его не оставил! Должно быть, его просто гложет какая-то тревога.

Он с жадностью доел булочку и заснул с довольной улыбкой, словно она была пропитана сахаром, оставившим сладость даже в его снах.

Три часа спустя резкий свисток прорезал тишину рассвета, и весь тренировочный лагерь пришел в движение.

Мо Яо, который все равно не спал, тут же спрыгнул с кровати и включил свет. Мо Сяобай, сонный и растрепанный, потер глаза и проворчал: Мамочка — настоящая садистка!

Слишком жестоко! Он протянул руки к Мо Яо и, растягивая слова, капризно проныл: Старший, помоги мне встать!

Мо Яо проигнорировал его, быстро собрался и вышел. Услышав хлопок двери, Мо Сяобай тут же сел и сердито уставился на дверь.

Мо Чэнь тоже спрыгнул с кровати. Мо Сяобай нахмурился: Братик, старший сегодня в дурном

настроении. Кто его разозлил?

Мо Чэнь поднял бровь, глядя на два пакета с пончиками на столе, и усмехнулся: Пончики!

А? — Мо Сяобай склонил голову набок.

Старший ненавидит пончики. Лучше не попадайся ему с ними на глаза!

Мо Чэнь тоже вышел. Мо Сяобай остался один, почесывая затылок. Старший ненавидит пончики? С чего бы это?

На востоке занималась заря, в пепельно-голубом небе еще мерцали остатки звезд. На широком плацу выстроились ряды людей в камуфляже — прямые, как стрелы, с гордо поднятыми головами. Каждый курсант затаил дыхание, ожидая приказов от двух дьявольских инструкторов.

Перед тысячами людей стояли две красавицы в зеленом камуфляже: Е Вэй с прищуренными глазами и холодная, изысканная Ши И.

Е Вэй свистнула: Детки! Сейчас четыре утра. С сегодняшнего дня начинается стокилометровый кросс по джунглям с грузом. До обеда должны вернуться, иначе останетесь голодными! Время пошло!

Едва она закончила, как плац наполнился шорохом резиновых подошв. Курсанты, разбившись на десятки, ринулись к лесу, окутанному миазмами. Топот ног поднял густые клубы пыли.

Когда отряды скрылись, Е Вэй обернулась к Ши И, словно желая что-то сказать, но колеблясь.

Ши И была ее напарницей уже десятки лет. Они вместе тренировались с детства, в юности делили первое место в мировом рейтинге наемных убийц, а позже вышли замуж за братьев Мо Е и Мо Цзюэ. За столько лет многое стало понятно без слов.

Ши И посмотрела на гаснущие звезды: Вэйвэй, я знаю, что ты хочешь сказать. Есть вещи, которые мы не в силах изменить, так что пусть все идет своим чередом.

Е Вэй вздохнула: Мо Сяобай всегда был беззаботным и никогда не давал себя в обиду, за него я не волнуюсь. А вот старшему придется нелегко.

Ши И помолчала и добавила: Вэйвэй, старший с детства был молчаливым. Больше всего он сказал мне четыре года назад, в день своего рождения. Сяобай лежал в коме, а старший дежурил у кровати. Он опустил голову и тихо произнес: Мамочка, прости. В этой жизни я хочу лишь оберегать Сяобая. Вечно быть рядом, чтобы никто больше не причинил ему боли.

Голос Ши И дрогнул: Я тогда спросила его: Старший, Сяобай видит в тебе лишь брата. Даже если мы не будем против, в его сердце ты всегда останешься только братом, которым он восхищается. Возможно, вы никогда не будете вместе. Вэйвэй, угадаешь, что он ответил?

Е Вэй тоже стало любопытно: И что сказал старший?

Он поднял голову и твердо ответил: Это не важно. Я не прошу, чтобы Сяобай принял меня, мне не нужно от него ничего взамен. Просто позволь мне остаться рядом и защищать его.

Обе замолчали. Через мгновение глаза Ши И покраснели, она прошептала, глядя в небо: Старший — как одинокая звезда. Каждую ночь он безмолвно замирает в небе, отдавая весь свой свет, чтобы сопровождать того, кого хочет защитить, помогая ему развеять тьму бесконечной ночи. А когда приходит рассвет и его свет больше не нужен, он молча уходит, погружаясь в одиночество на другой стороне полушария.

Е Вэй глубоко вздохнула и посмотрела на бледнеющее небо.

Впервые в жизни ей показалось, что звездный свет может быть таким печальным.

Лес, окутанный миазмами, был окружен высокими горами и отвесными скалами. Деревья росли густо, внизу всегда было влажно, темно и душно, солнечный свет никогда не пробивался сквозь кроны, а воздух был разреженным.

Единственная тропинка была скользкой и вязкой. Мо Сяобай бежал следом за Мо Яо, то и дело ныряя в высокую траву, и, не сводя глаз со спины старшего, с любопытством наблюдал за ним.

Мо Яо, выдержав это некоторое время, не выдержал: Ты чего на меня смотришь?

Мо Сяобай робко спросил: Брат, тебя что-то расстроило?

Нет.

Мо Сяобай не поверил: Как это нет! Вчера ты был совсем другим! Точно что-то случилось!

Мо Яо молчал.

Мо Сяобай не унимался: Старший, это из-за той Сяохуэй? Расскажи мне, я помогу проанализировать!

Нет!

Мо Сяобай продолжал сверлить его взглядом.

Проваливай в конец колонны!

Мо Яо прибавил шаг, оставляя его позади.

Мо Сяобай чувствовал себя все более уязвленным. Что же так задело старшего, что он стал таким холодным и раздражительным?

Он бежал, витая в облаках, и через пару шагов зацепился за что-то в траве. Вскрикнув, он потерял равновесие и упал.

Его координация была великолепной, и он мог легко перевернуться и встать, но краем глаза он заметил, как старший, услышав его крик, вмиг обернулся с тревогой в глазах. Мо Сяобай, не раздумывая, позволил себе упасть.

Падая, он украдкой поглядывал на реакцию Мо Яо.

Мо Яо подлетел к нему, быстро ощупал конечности, проверяя суставы, и, убедившись, что все в порядке, отряхнул руки и собрался уходить.

Мо Сяобай ухватился за край его формы и надул губы: Брат, нога болит...

Мо Яо снова присел, чтобы осмотреть ноги: там не было ни царапины — этот сорванец мастерски притворялся! Он сверкнул глазами на Мо Сяобая и снова поднялся.

Мо Сяобай в ярости лежал на земле. Старший просто ушел? Даже не помог подняться?

Он лежал в сырой траве, не двигаясь, и с надеждой смотрел на удаляющуюся спину Мо Яо, ожидая, что тот передумает, обернется и протянет руку.

Но фигура старшего лишь на мгновение замерла, а затем растворилась в густом лесу.

Мо Сяобай отчаялся. Похоже, старший не вернется.

Он отвел взгляд и, подложив руки под голову, уставился в небо, где сквозь листву пробивались слабые искры звезд. На душе было мутно. Он широко открыл глаза, вглядываясь в просветы между ветвями, не замечая, как опасность подкрадывается совсем близко.

Тихое шипение раздалось в лесу. В чаще внезапно поднялся ветер — слабый, но достаточный, чтобы зашелестеть высокой травой.

Шорох приближался, но Мо Сяобай ничего не замечал.

Его бдительность уступала только Мо Яо и была намного выше, чем у Мо Чэня. В драке он мог быть не самым сильным, но в чутье и скрытности с ним мало кто мог сравниться, даже мамочка.

Но сейчас он расслабился. Во-первых, он был слишком занят мыслями о холодности старшего, а во-вторых, он знал, что Мо Яо где-то рядом, и чувствовал себя в безопасности.

Лишь когда черная тень приблизилась, принеся с собой холод и сырость джунглей, он опомнился.

Мо Сяобай повернул голову и вмиг покрылся холодным потом.

Огромная черная змеиная голова почти размером с его собственную застыла прямо перед ним. В мутных глазах змеи светился ледяной свет, она изучала добычу, и время от времени из ее пасти вылетал раздвоенный красный язык, издавая зловещее шипение.

Мо Сяобай оцепенел. Он не боялся смерти или боли, мог вынести любые тренировки, но змеи были его единственной фобией. Когда-то Е Вэй, пытаясь излечить его, оставляла братьев в лесу, кишасщем сотнями змей, но тогда старший всегда был рядом, и с ним он ничего не боялся.

Теперь же старший на него даже не смотрел.

Первым желанием Мо Сяобая было бежать, но остатки разума подсказали: сейчас нельзя шевелиться. Змеиная голова находилась менее чем в трех сантиметрах от его лица, он видел острые клыки и капли ядовитой зеленой слизи на их кончиках.

<http://bllate.org/book/22270/2331506>